

МУЖ
— ИЗ —
НЕПРОЖИТОЙ
ЖИЗНИ

АНИ ЕГАНЯН

Ани Еганян

Муж из непрожитой жизни

«Автор»

2026

Еганян А.

Муж из непрожитой жизни / А. Еганян — «Автор», 2026

Семь лет назад Эвелин продала свою счастливую жизнь, чтобы спасти сестру. Ей обещали, что она ничего не почувствует. И почти не солгали. До того вторника, когда на пороге её мастерской появился незнакомец с обручальным кольцом. Кассиан помнит их свадьбу, общий дом и любовь, которой у Эвелин никогда не было. Он пришёл из мира непрожитых возможностей — города, где теперь исчезают улицы вместе с людьми. Чтобы помочь ему, Эвелин придётся выяснить, кому принадлежит проданное будущее и какую цену скрывает её старый договор. Но опаснее любой сделки оказывается мужчина, который уже однажды любил её. Ведь Эвелин ещё только предстоит понять, кого он видит перед собой: её саму — или женщину, которой она не стала.

© Еганян А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	14
Глава 6	16
Глава 7	18
Глава 8	20
Глава 9	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ани Еганян

Муж из непрожитой жизни

Ани Еганян

Муж из непрожитой жизни

Ромэнтэзи

Глава 1

Муж во вторник

Мой муж пришёл во вторник, когда я целовалась с другим мужчиной. Обстоятельство было неприятное, особенно если учесть, что замуж я никогда не выходила.

Люсьен стоял между мной и верстаком, отчаянно стараясь не задеть локтем разобранную музыкальную шкатулку. Он уже дважды приглашал меня ужинать. Во вторник я решила, что третий отказ будет жестокостью, и позволила себя поцеловать. Поцелуй оказался аккуратным, как его судебные бумаги. Я ещё выбирала, считать ли это достоинством, когда над дверью звякнул колокольчик.

Незнакомец остановился на пороге. Дождевая вода капала с его пальто на пол. У него было широкое, обветренное лицо, тёмные волосы и выражение человека, который нашёл нужный дом после пожара и ещё не понял, осталось ли внутри что-нибудь живое.

— Мы закрыты, — сказал Люсьен, хотя мастерская принадлежала мне.

— Открыты, — поправила я и выскользнула из его рук. — Если ремонт срочный, набавка треть стоимости.

Незнакомец посмотрел на мои губы, потом себе под ноги.

— Я подожду.

Он произнёс это таким голосом, что Люсьен взялся за трость. Я знала эту трость: серебряный набалдашник, никаких скрытых клинков. Впечатление она производила главным образом на нотариусов.

— Вы знакомы? — спросил он.

— Нет, — сказала я.

— Меня зовут Кассиан Ренн, — ответил посетитель. — Мне нужна Эвелин Вей.

— Нашли. Что сломалось?

Он вытащил из кармана кольцо. Простое серебро, широкая царапина у края. Положил его на верстак, подальше от меня, будто боялся обжечь.

Я протянула руку и остановилась. Внутри ободка виднелись буквы. Работа грубая, но знакомая: я сама вырезала так надписи, повернув резец слишком остро. На внутренней стороне стояло: «Пока есть куда возвращаться».

— Кто это сделал? — спросила я.

— Ты.

Люсьен шагнул вперёд.

— Советую вам объясниться.

— Мы были женаты, — сказал Кассиан.

Снаружи проехала телега; колёса хлюпнули в канаве. Где-то в стене принялась трещать труба. Я подумала, что у мастерской на редкость плохая звукоизоляция для места, где сообщают подобные вещи.

— Люсьен, — сказала я, — ты оставил документы в конторе?

— Эвелин.

— Он стоит у двери. Между нами верстак. Если начнёт буянить, я ударю его молотком. Иди.

Люсьен посмотрел на молоток, потом на посетителя. Тот, к его неудовольствию, кивнул, словно признавал разумность плана.

— Я буду напротив, у булочника, — предупредил Люсьен.

Когда дверь закрылась, я обошла верстак и встала так, чтобы не отрезать себе путь к чёрному выходу.

— Теперь расскажите правду.

— Я рассказал часть.

— Какая неприятная привычка.

Его рот дрогнул, и он тут же перестал улыбаться.

— Семь лет назад ты заключила сделку в Палате исполнения. Вылечила сестру. Отдала одну возможную жизнь.

Я взялась за край верстака. Об этом знали Мира, покойная мать и люди, которым платили за молчание.

— Кем вы работаете?

— Строю мосты.

— И по вечерам пугаете женщин?

— Похоже, сегодня именно так.

Он расстегнул пальто. Под ним на рубашке темнело пятно крови, ниже рёбер. Я невольно приблизилась, но он поднял ладонь.

— Не подходи, пока не решишь, что мне можно доверять.

— Обычно раненые не так разборчивы.

— Эвелин, послушай. Отданная тобой жизнь не исчезла. Она продолжилась в другом месте. Там мы встретились. Там ты сделала это кольцо.

На слове «ты» он запнулся, будто сам усомнился, имеет ли право его произносить.

Я рассердилась: испуг оказался слишком похож на надежду. Когда тебе предлагают увидеть, что ты потеряла, трудно оставаться благоразумной.

— Я не знаю вас.

— Знаю.

— Вы сказали, что мы были женаты. Почему «были»?

Он долго смотрел на кольцо.

— Потому что той женщины больше нет.

В эту минуту в переулке хлопнула дверца кареты. Кассиан резко повернулся. Я успела увидеть двух людей в одинаковых серых плащах, проходивших мимо окна. Один держал под дождём совершенно сухую книгу.

— Если они спросят, — сказал Кассиан, — ты меня не видела.

— Вы только что признались, что я вас не видела никогда.

Он улыбнулся — впервые по-настоящему, коротко и устало.

— Да. Постарайся держаться этой версии.

Потом у него подкосились ноги.

Я подхватила его с той стороны, где не было крови, и страшно разозлилась. До этого вторника худшим последствием знакомства с мужчиной для меня считался неудачный ужин.

Глава 2

Неправильное кольцо

Чёрный выход вёл в бывший угольный сарай. Когда-то мать держала там козу, которая ела счета и потому считалась полезной в хозяйстве. Теперь там стояли ненужные корпуса часов. Я усадила Кассиана на ящик, сняла с него пальто и распорол рубашку.

— Если это попытка выманить деньги, — сказала я, — вы слишком много потратили на правдоподобие.

Рана оказалась длинной, неглубокой. Края были белыми, как у пореза бумагой, только бумага должна была быть размером с пилу.

— Изъятие, — объяснил он.

— Чего?

— Части стены. Я оказался рядом.

Наверху звякнул дверной колокольчик.

Я оставила ему чистую тряпку, велела прижимать и вернулась к прилавку. Двое в сером стояли возле верстака. Один был совсем молод, с красными от холода пальцами. Второй смотрел на меня с терпением человека, который уже составил протокол.

— Палата исполнения. Ищем неопознанного должника.

— Плохой день для поисков. У меня их полный квартал.

Старший положил на прилавок раскрытую книгу. На странице не было портрета. Там находилась линия, похожая на трещину в стекле. Она медленно поворачивалась к задней комнате.

Я сдвинула на книгу латунный корпус шкатулки.

— Не ставьте имущество на реестр, — сказал молодой.

— Не кладите реестр на моё имущество.

Старший поднял глаза.

— Вы что-то слышали о Листе?

— О каком?

— Достаточно.

Он убрал шкатулку. Я заметила, что стрелка-трещина почти перестала двигаться под латунью. Мать научила меня хранить договоры в жестяной коробке: замкнутый металл мешал линиям искать друг друга. Раньше я считала это разновидностью её суеверия о чужих расчёсах.

— Здесь только я, — сказала я. — И если хотите обыск, принесите постановление районного судьи. Люсьен Валль находится напротив. Он адвокат и с удовольствием испортит вам вечер.

Я произнесла имя громче, чем требовалось. Старший перевёл взгляд на окно. У булочника действительно маячила знакомая шляпа.

Они ушли, оставив карточку с адресом Палаты. На обороте было напечатано: «Исполненное желание заслуживает благодарности». Я перевернула карточку текстом вниз.

В сарае Кассиан сидел очень прямо, с белыми губами.

— Ты прикрыла шкатулкой реестр?

— Не начинайте восхищаться. Я хочу получить ответы раньше, чем вас арестуют.

Я перевязала ему бок. Он не шипел и не хватал меня за руки, что выгодно отличало его от некоторых клиентов, которым я всего лишь вынимала занозы.

— Вызвать врача?

— Нет.

— Тогда выбирайте: врач или снова улица.

Он подумал.

— Независимого. У них на манжетах нет синей нити.

Я нахмурилась. В городской лечебнице синюю нить носили все, от сторожа до профессора. Палата субсидировала лечебницу, это знала даже я.

За доктором Адрианом я отправила мальчика из булочной. Люсьену сказала, что посетитель принёс вещь покойного родственника и расстроился. Люсьен посмотрел на мои руки в крови, ничего не спросил и сам дождался врача.

Когда Кассиану закончили промывать рану, на улице уже зажглись фонари. Я велела ему остаться в сарае, а сама поднялась в квартиру над мастерской.

Мира сидела за столом, подсунув под ноги корзину с чистым бельём. Она переписывала ведомости для речной управы и одновременно ела яблоко, оставляя на бумагах сладкие следы.

— Ты бледная, — заметила она.

— Клиенты.

— Тот красивый или тот женатый?

Я остановилась на лестнице.

— Они здесь были?

— Я приходила за ножницами. Подслушала совсем немного. Как только доходит до мужа, люди начинают говорить тише. Ужасное неудобство.

Я присела рядом. Мира отложила яблоко.

— Это из-за сделки?

Мы семь лет обходили это слово. Мать называла договор расходом. Я — необходимостью. Мира предпочитала не называть никак.

— Пока не знаю.

Она коснулась моего запястья. Пальцы у неё были тёплые, здоровые. В четырнадцать лет они просвечивали так, что под ногтями можно было разглядеть рисунок вен.

— Не отдавай больше ничего, — сказала она.

Я обещала, хотя уже понимала: когда обещают легко, следует проверить, кому это выгодно.

Ночью я достала кольцо. Внутри, рядом с надписью, заметила крошечную насечку: три точки, одна ниже остальных. Моя метка. Я ставила её на вещах, которые чинила для себя.

Серебро было тёплым. Я примерила кольцо на безымянный палец. Оно оказалось велико. Почему-то именно это помогло мне заснуть.

Глава 3

Цена счастливой жизни

Утром Кассиан чинил сарайную дверь. Делал он это сидя, удерживая петлю коленом, и выглядел настолько по-хозяйски, что я едва не велела ему перестать.

— Она скрипела, — объяснил он.

— Я знаю. Это моя охранная система.

— Теперь придётся завести собаку.

Я принесла хлеб, сыр и две чашки кофе. Чашку для него поставила подальше от края; он машинально передвинул её обратно. За этим простым жестом мне привиделись годы чужих завтраков.

— Рассказывайте с начала.

Он отложил отвёртку.

— С того, что я не твой муж. Был мужем другой Эвелин Вей. Мы оба знали, что наш город появился из отвергнутых возможностей. Но нам говорили, что у нас есть собственное будущее. Три месяца назад начали закрывать улицы.

— Какие улицы?

— Сначала тупик у мельницы. Потом мост. Утром выходишь из дома, а за углом стена. В документах улицы никогда не было. Те, кто там жил, ещё помнят её. Те, кто расписывался за изъятие, вскоре перестают.

— А люди?

— Часть успевает уйти. Часть нет.

Я услышала в его голосе границу и не переступила её.

— Зачем вы пришли ко мне?

— В основании нашего квартала твой договор. По нему можно открыть пересмотр. Мне удалось вынести номер, но не сам подлинник. Нужна твоя подпись на запросе.

— И тогда что?

— Не знаю. Я не умею расторгать магические сделки. Умею рассчитать нагрузку на мост. Сейчас я ищу человека, который разбирается в первом.

Мне понравилось, что он не обещал невозможного. Потом я вспомнила: хороший обман тоже начинается с нескольких правдивых подробностей.

— У вас есть доказательства, кроме кольца?

Он достал из внутреннего кармана сложенный план. Сотни линий, размеры, следы воды. У нижнего края было приписано моим почерком: «Кас, лестница опять ведёт в стену. Если это художественный замысел, я против».

Я узнала не только буквы. Узнала свою раздражённую привычку дорисовывать букве «т» слишком длинную черту.

— Как давно вы знакомы?

— Четыре года. Женаты были три.

В девятнадцать лет я подписала договор. В двадцать два, значит, встретила бы его. Я попыталась вспомнить тот год: протекающая крыша, смерть матери, Мира училась считать пошлины. Какой день оказался бы другим? Куда я должна была выйти, чтобы встретить этого мужчину?

— Не пытайся, — сказал он тихо. — Там многое сложилось иначе.

Я унесла чашки наверх, а потом спустилась с жестяной коробкой.

Моя копия договора занимала два листа. Семь лет я не перечитывала их. Сейчас бумага пахла железом и лавандой: мать заворачивала в неё мешочки от моли.

«Исполнитель обеспечивает прекращение стеклянной лихорадки у Миры Вей в обмен на обособленную возможность семейного счастья заявительницы».

Я запомнила другую формулировку: «Вы не потеряете способность любить». Служащая повторила её трижды, пока я смотрела на дверь, за которой ждала сестра. Мира кашляла, и каждый раз мать вздрагивала.

— Я спросила, буду ли я когда-нибудь счастлива, — сказала я. — Они ответили: возможно.

Кассиан не смотрел на меня. Его пальцы легли на край стола, испачканный клеем.

Внизу второй страницы находились три подписи. Моя. Маэль Рис, уполномоченной Палаты. И свидетеля — Орэна Сореля. Рядом с печатью, почти слившись с орнаментом, тянулась фраза: «Погашенное обязательство повторному обременению не подлежит».

— Вот, — Кассиан наклонился. — Эта строка в наших копиях закрыта чёрным.

— Вы тоже получали копии?

— У каждого дома есть выписка об обеспечении. Мы думали, это налоговая бумага.

Я провела по строке ногтем. Вода, попавшая с его рукава на стол, коснулась листа. На мгновение под основным текстом проступили другие цифры: семнадцать тысяч сорок шесть. Потом исчезли.

— Номер договора? — спросила я.

Он побледнел.

— Нет. Номер моего дома.

В мастерской пробили часы, которые я так и не настроила: семь разных механизмов звонили вразнобой. Я впервые не стала их успокаивать.

— Запрос мы подпишем, — сказала я. — Но сначала найдём свидетеля.

Глава 4

Дождь с другой стороны

До Палаты исполнения я решила дойти одна. Кассиан принял это без возражений, что раздражало больше, чем спор. В его спокойствии мне всё время чудилась уверенность человека, который заранее знал, как я поступлю.

— Я вернусь к полудню, — сказала я.

— Хорошо.

— Это не просьба разрешить.

Он поднял брови.

— Я и не разрешал.

Мира, делавшая вид, что ищет перо, фыркнула. Я ушла, чувствуя себя нелепо.

Палата занимала бывший дворец соляного купца. На ступенях стояли люди, которым чего-нибудь не хватало: денег, здоровья, времени. Одни уходили сияющими. Другие так крепко прижимали к груди папки, словно несли ребёнка.

В девятнадцать лет я прошла мимо этих людей не глядя. Теперь остановилась у женщины с маленьким мальчиком. Он держал пустой футляр от скрипки.

— Вам куда? — спросила женщина, приняв меня за служащую.

— Я сама не уверена.

За справками отправляли к столу под зелёной лампой. Я назвала Орэна Сореля. Девушка провела пальцем вдоль реестра и сказала:

— Такой сотрудник в штате не числится.

— Он подписывал мой договор семь лет назад.

— В настоящее время не числится.

— А где числится его настоящее время?

Она подняла на меня глаза. На миг её лицо стало совершенно живым, почти весёлым.

— Запрос на сведения о бывших сотрудниках. Третье окно. Двадцать рабочих дней.

Я поблагодарила. В третье окно не пошла.

Возле выхода меня догнал мужчина в сером — вчерашний старший. Он представился инспектором Бертом и предложил пройти к управляющей. Отказ почему-то внезапно казался сложнее согласия.

Маэль Рис была старше, чем семь лет назад, но не настолько, насколько я ожидала. Серебристые волосы, сухие руки, голубой шарф. В углу кабинета стоял таз с водой; над ним без опоры висел камень, и вода падала вверх тонкой струйкой.

— Вы сохранили мастерскую матери, — сказала она. — Это хорошо.

— Вы проверяете имущество всех клиентов?

— Тех, чьё обеспечение становится неустойчивым.

Она указала мне на кресло. Я осталась стоять.

— Вчера вам могли сообщить кое-что тревожное. Отданные возможности иногда принимают облик людей. Они умеют убеждать, что имеют прошлое.

— А имеют?

— Содержание книги тоже имеет прошлое. Это не делает героя владельцем дома, который описан на странице.

— Книжные герои обычно не истекают кровью.

Маэль чуть наклонила голову. Я поняла, что сама выдала Кассиана, и стиснула пальцы.

— Вы не совершили преступления, помогая раненому, — сказала она. — Пока не пытались выдать залог за самостоятельное лицо.

В тазу прошла рябь. На миг я увидела в воде крыши, расположенные слишком тесно, и красную бельевую верёвку. По верёвке стекал дождь, хотя в кабинете было сухо.

— Что произойдёт при пересмотре? — спросила я.

— Сначала приостановится исполнение. Мира нуждается в постоянном наблюдении. Вы готовы рискнуть?

Про сестру она произнесла мягче всего. Я ненавидела её именно за это.

— У неё нет приступов уже семь лет.

— Потому что мы выполняем свои обязательства.

Мне предложили подписать уведомление: «Внешние проявления залога не признаю личностями, юридических претензий не имею». Внизу оставалось пустое место для моего имени.

— Я покажу это адвокату.

Маэль отодвинула бумагу.

— Конечно. Мы никого не торопим.

Когда я вышла, дождь в городе прекратился. На ступенях мальчик беззвучно водил смычком над пустым футляром. Женщина смотрела на него и улыбалась, слишком широко раздвинув губы. Я прошла мимо, потом вернулась и дала мальчику монету. Он не заметил.

Дома Кассиан стоял у окна. Рана снова кровила.

— Ты ходил? — спросила я.

— До лестницы.

Я сняла пальто. Из складки у воротника на пол упала капля и расплылась синим пятном.

— Здесь такой дождь не бывает, — сказал он.

Я рассказала про таз. Он долго молчал, затем достал план и нашёл маленький прямоугольник у северной стены.

— Прачечная Тавии. Красная верёвка. Значит, она ещё стоит.

Он провёл большим пальцем по прямоугольнику — осторожно, чтобы не стереть карандаш. И я впервые испугалась не того, что он солгал, а того, что говорил правду.

Глава 5

Проверка подписи

Люсьен согласился прочесть договор в обмен на объяснение. Я предложила ему половину объяснения и пирог. Он сказал, что начинает понимать чувства своих клиентов.

Мы уселись в мастерской. Кассиан находился за перегородкой. Я заранее предупредила его, что буду говорить о нём без разрешения; он ответил, что без разрешения можно говорить, а вот решать — желательно поменьше.

— Стандартный договор замещения, — сказал Люсьен после второго прочтения. — Так раньше называли эти сделки. Сейчас — исполнение. Удобнее для рекламы.

— Почему отсутствует сумма?

— Оплачиваешь возможностью, а не деньгами. Стоимость устанавливает внутренняя оценка. Ты должна была получить отдельное приложение.

— Не получила.

Он вздохнул. Я знала этот вздох: осторожный, профессиональный, предназначенный для людей, которые не читают мелкий шрифт перед тем, как лишиться крыши.

— Люсьен, мне было девятнадцать. Мира задыхалась в соседней комнате.

— Я не обвиняю тебя. Я обвиняю того, кто поставил печать. Подпись твоя?

Я кивнула. Он поднёс страницу к окну. Нижний росчерк потянулся за солнцем и снова замер.

— Действующая. Прекратить исполнение можно по заявлению должника, но последствия будут спорными. А вот требовать расчёт ты вправе без приостановки лечения.

— Маэль сказала другое.

— Управляющая Палатой не обязана быть твоим юристом.

Он составил требование о выдаче первоначальной оценки, журнала списаний и всех продлений. Под текстом вывел отдельную фразу: «Настоящий запрос не является отказом от результата исполнения». Я прочла её трижды.

Кассиан вышел за водой. Люсьен очень аккуратно положил перо.

— А это, полагаю, покойный родственник?

— Живой посетитель, — сказала я.

Кассиан представился. Мужчины посмотрели друг на друга; никакой дуэли не случилось. Я почему-то испытала облегчение, хотя до этой минуты не признавала, что ждала глупостей.

— Юридически вы кто? — спросил Люсьен.

— Для вашей Палаты — обеспечение.

— А для себя?

— Инженер. Вдовец. Сейчас — человек, которому нужна помощь.

Люсьен откинулся на спинку стула.

— Плохая последовательность для анкеты. Хорошая для показаний.

Мы отправились к районному писцу втроём. По дороге Кассиан держался на шаг позади и не пытался брать меня под локоть. Возле канавы, где лежала доска, он лишь посмотрел вниз. Я сама перешла, только после этого заметив, что доска прогнила.

Я начинала ненавидеть его осторожность.

Писец принял запрос, но отказался вписывать свидетелем Кассиана: имени не было в городском реестре. Тогда Люсьен потребовал письменный отказ. Писец посмотрел на часы и внёс Кассиана в журнал как «неустановленное присутствующее лицо». Это заняло сорок минут и одно испорченное перо.

На улице я сказала:

— Значит, он всё-таки присутствует.

— Это уже начало, — ответил Люсьен.

К полудню пришла первая бумага Палаты: на выдачу расчёта требовалось десять рабочих дней. Вместе с ней принесли лекарство для Миры — на неделю раньше обычного. В коробке лежала записка с пожеланиями здоровья от управляющей.

Мира прочла записку, развернула её обратной стороной и дорисовала Маэль усы. Я смеялась дольше, чем следовало. Кассиан вышел на лестницу, и только потом я вспомнила: в его жизни моя сестра, возможно, никогда не выздоровела.

Я нашла его у окна.

— Ты не обязан любить Миру.

Он посмотрел на меня так удивлённо, что я ощутила собственную жестокость.

— Она живая, — сказал он. — Эвелин, как ты могла подумать, что я этому не рад?

Я не сумела ответить. Внизу люди несли с рынка корзины, мальчишка гнал обруч, кто-то спорил из-за лошади. Всё это продолжалось, пока за стеной чужого мира исчезали улицы. Я не знала, как выдерживают сразу два таких знания.

Глава 6

Свидетель

Орэна Сореля нашла Мира. Она работала с речными ведомостями и умела искать людей по тому, что они платили за воду. В нашем городе это было надёжнее фамилии: имя можно продать, а вода оставляла счета.

— Переплётная мастерская на улице Гончаров, — объявила она. — Лечебница оплачивает за него треть расхода. Видимо, пенсия.

— Откуда ты взяла ведомость?

— Оттуда, где ты вчера оставила мой лекарственный ящик. Не лезь в мои дела, и я буду лезть в твои с меньшим удовольствием.

Орэн открыл нам не сразу. Он был высоким, с нездоровой кожей и деревянной подпоркой вместо левой голени. На столе сохли книги, из которых были вырезаны отдельные страницы.

— Ремонтирую после продажи воспоминаний, — объяснил он, поймав мой взгляд. — Клиенты не любят пустые места. Попросят переплести так, чтобы не замечать.

Я положила перед ним договор. Он узнал его прежде, чем надел очки.

— Вей. Девочка с синими пальцами.

— Это сестра. Я была рядом.

— Помню.

Он сел и спрятал руки под стол. Кассиан остался возле двери.

— Вы подписали, что мне всё разъяснили, — сказала я.

— Нет. Что ты подписала добровольно и в сознании. Посмотри формулировку.

Я посмотрела. Он был прав, и от этого не становилось легче.

— Вы были врачом?

— До того, как стал свидетелем. Иногда одновременно.

— Почему перестали?

Орэн дотронулся до деревянной подпорки.

— Сначала не хватило смелости остановить процедуру. Потом — ноги, чтобы вернуться к работе.

Он рассказал про одну из ранних эвакуаций. Несколько семей попытались выйти из обособленного пространства через технический проход. Проход закрыли по распоряжению управляющей. Орэн держал дверь, пока выводили ребёнка. Печатная линия перерезала порог и всё, что осталось в нём.

— Почему вы не обратились в суд?

— Обратился. Решение лежит в третьем ящике. Суд установил производственную травму и назначил содержание. Самого ребёнка установить не удалось. Его не было в реестре.

Кассиан спросил:

— Как звали ребёнка?

— Селла.

Он медленно выдохнул.

— Она жива. Работает у переправы. У неё две дочери.

Орэн снял очки и долго протирал их совершенно чистой тряпкой. Я отвернулась к окну. Чужое облегчение требовало деликатности, которой я прежде не умела.

Потом он дал нам тонкую тетрадь.

— Записывал дозировки. Не всё сохранилось. Лихорадку лечили однократным введением шести мер накопленного времени. Не семью годами содержания. Мне тогда говорили: остаток обеспечения вернётся после стабилизации.

— Через сколько?

— Три года. Если не было осложнений.

Я назвала Мирины лекарства. Орэн не ответил сразу.

— Синий раствор?

— Прозрачный. Синий флакон.

— Принеси запечатанный. И не отменяй самовольно: некоторые составы требуют постепенного снижения. Я больше не веду больных. Нужен практикующий врач.

Мне стало холодно. Теперь я иначе услышала Кассиановы слова о враче без синей нити. Лечение могло оказаться ещё одним способом удержать за горло.

— Ты можешь открыть проход? — спросил Кассиан.

Орэн покачал головой.

— Она может. Не проход в любое место, только к своему обеспечению. Металлический предмет, сохранённый с той стороны, подлинная подпись и вода из общей реки. Держите линию непрерывной. Никогда не разворачивайтесь на пороге.

Он показал, как соединить кольцо с копией договора через неглубокую чашу. Я спросила о цене.

— С дороги не берут плату за каждый шаг, если дорога уже построена. Но открыть её — значит дать Палате понять, что ты туда пошла.

Выходя, я задержалась.

— А та Эвелин? Она настоящая?

Орэн опустил глаза.

— Если человек способен отказаться от того, что ему предписали, он давно уже не возможность. Они умеют отказывать. Я слышал.

Глава 7

Билет в Лист

Мы уходили ночью из моей мастерской. Мира потребовала подробный адрес, время возвращения и объяснение, что делать, если я не вернусь. Я написала имя Люсьена, адрес Адриана и слово «Орэн» крупнее остальных.

— Словно ты едешь за закупками, — сказала она.

— Это помогло бы, если бы я оставила истерическую записку?

Мира крепко обняла меня. У меня заболела спина, и я испытала почти счастливую благодарность её силе.

— Не веди себя так, будто твоя жизнь дешевле моей.

Я хотела возразить, но она уже отпустила.

В чашу я налила речную воду. Кольцо легло на дно, договор — рядом, и подпись задвигалась, потянувшись к серебру. Я не произносила заклинаний. Только назвала имя и потребовала доступ к имуществу, обозначенному в соглашении. Слова были вычитаны Люсьеном; вся магия нашего города обожала точность и ненавидела уточняющие вопросы.

Дверь сарая потемнела. За щелью пахло мокрым кирпичом.

— Я пойду первым, — сказал Кассиан. — Если передумаешь, останься. Дверь можно закрыть, убрав кольцо после моего шага.

— А как ты вернёшься?

Он не ответил.

— Именно. Пойдём вместе.

На пороге я почувствовала, будто зубы сжали тонкую медную проволоку. Кассиан протянул ладонь. Я взялась за неё, потому что пол ушёл из-под ног, и шагнула.

Мы оказались в переулке. Ночь здесь была светлее, чем дома: над крышами висела луна, слишком низкая и широкая. Дождь шёл вверх по водосточной трубе. На стене рядом со мной было написано мелом: «Северная лестница закрыта. Ходить через кухню».

Кассиан, всё ещё державший мою руку, коснулся лбом холодного кирпича. Потом отпустил.

— Добро пожаловать.

Улица спускалась к реке. Люди не растворялись, не светились и не рассказывали мне предназначенную для посетителей историю. Женщина ругалась с продавцом из-за подгоревшего хлеба. Подросток нёс клетку с сердитой птицей. Старик вытряхивал воду из ботинка, сидя на подоконнике.

Это потрясло сильнее, чем если бы город был прозрачен.

В гостинице пахло горячей капустой и мылом. Женщина с тяжёлой косой поставила перед Кассианом миску и только после этого ударила его по плечу.

— Три дня! — сказала она. — Я обещала Тиму, что если ты не вернёшься к утру, я тебя убью. Ставишь меня в неудобное положение.

— Тавия, это Эвелин.

Тавия повернулась, и я увидела, как её лицо меняется. Она успела шагнуть ко мне, затем остановилась.

— Другая, — сказал Кассиан.

— Вижу, — ответила она, хотя совершенно очевидно не видела.

Мне дали сухие носки и место возле печи. Тавия принесла третью миску, оставила на столе и ушла на кухню. Там что-то тяжёлое стукнуло о плиту.

— Она была твоей подругой? — спросила я.

— Нашей соседкой.

— Моей подругой, — поправила я, и он ничего не сказал.

В дверях появился мальчик с листами бумаги под мышкой. У него была испачкана сажей щека. Увидев меня, он сказал:

— Вы обещали нарисовать козу.

Кассиан поставил чашку.

— Ниль, это не она.

Мальчик посмотрел на мои руки. Потом на волосы, на туфли. Его лицо стало взрослым и недоверчивым.

— Я знаю. Просто проверил.

Он положил на стол рисунок: мост, дом с жёлтой дверью, два крохотных человека у перил.

— Это ещё есть, — сказал он Кассиану. — Но вчера исчез фонарь.

Я отодвинула миску. Есть в комнате, где ребёнок докладывал об исчезновении фонаря так, словно речь шла о здоровье близкого, оказалось невозможно.

Тавия вернулась с хлебом.

— Ешь, — сказала она. — На голодный желудок чужую беду особенно любят принимать за собственный подвиг.

Я послушалась.

Глава 8

Дом с жёлтой дверью

Утром Кассиан повёл меня к дому. Перед выходом Тавия сунула ему в руки свёрток, а мне — ключ от номера.

— Комнату закроешь сама. За постой разберёмся потом.

Мне понравилось, что она не предложила бесплатно занять место умершей подруги.

Дом стоял у бокового канала. Три этажа, узкие окна, жёлтая дверь с тёмным пятном у ручки. Перед ступеньками росло дерево, корни которого приподняли мостовую. Кто-то привязал к ветке жестяную птицу. Ветер раскачивал её, но крылья не двигались.

— Ты делала, — сказал Кассиан и поправился: — Она.

Я остановилась у дерева.

— Мне не нужно каждый раз слышать поправку. Но спасибо, что помнишь.

Дверь открылась с трудом. Внутри оказалось холодно. Стулья стояли на столе, ковёр был свёрнут. На стене сохранилось светлое место от картины.

Я ожидала, что дом меня узнает. Скрипнет половица, отзовётся какая-нибудь скрытая магия. Ничего не произошло. Мои туфли оставляли на пыли новые следы.

Кассиан снял стулья. Один поставил возле печи, второй — напротив, не рядом. Пока он разжигал огонь, я рассматривала полку: мостовые чертежи, кулинарная книга с пятном, смешная чашка с кривым ухом.

— У тебя есть такая? — спросил он.

— Нет.

— Хорошо.

Это «хорошо» было слишком тихим. Я повернулась, но он уже раскладывал щепки.

На кухонном столе лежала недоконченная деревянная рамка. Срез у угла был неровный, знакомый.

— Тупая пила, — сказала я.

Кассиан замер.

— Она тоже так говорила.

— Тогда стоило купить новое.

Он рассмеялся. Смех оборвался почти сразу, словно он случайно открыл дверь в комнату, куда не собирался заходить.

Пока грелась вода, мы поднялись наверх. Там была спальня, кабинет и маленькая комната с пустыми стенами. Я остановилась перед последней.

— Мастерская, — сказал он прежде, чем я успела спросить. — Она собиралась взять ученицу. Мы укрепили пол под верстак. Не успели перевезти инструменты.

Я кивнула с облегчением и стыдом за это облегчение. Чужой неслучившийся ребёнок стал бы слишком большой тяжестью; я понимала, как некрасиво делить потери по тому, что способна вынести.

В кабинете на столе лежала тетрадь. Кассиан убрал руку, которой хотел её придержать.

— Можно читать. Если хочешь. Можно не читать.

— А ты хочешь, чтобы я прочла?

Он ответил после паузы:

— Я хочу, чтобы кто-нибудь знал, какой она была, до того, как всё здесь закроют. Это не обязательно должна быть ты.

Тетрадь начиналась списком покупок. Ни предсказаний, ни признаний. Клей, ламповое масло, мука, петли для шкафа. У масла стояло: «Не верить Касу, что ещё есть». Я перевернула

страницу. Там были расчёты: площадь изъятых кварталов, даты, номера людей, оставшихся без жилья.

На полях другим почерком — его — было написано: «Не ходи туда одна».

Под ним она ответила: «Так не заставляй меня ждать три дня».

Я слышала, как за окном ударила жестяная птица. Вода внизу почти закипела; крышка стучала о край.

— Как она умерла? — спросила я.

Кассиан опустился на стул. В первый раз с нашего знакомства он выглядел не усталым, а старым.

— Пойдём вниз, — сказал он. — Я не хочу рассказывать это в её комнате.

Глава 9

Умершая женщина

Кассиан налил чай и забыл поставить чашку перед собой. Я передвинула её. Он поблагодарил, не заметив, за что.

— Квартал у больницы закрывали в четверг, — начал он. — На дверях висело объявление: осмотр линий, два часа. Она решила проверить журнал. В нём стояли имена людей, которых уже не было на улицах. У некоторых пропали и свидетельства о рождении. Если имя исчезало из последнего независимого списка, Палата могла утверждать, что человек никогда не существовал.

Он говорил ровно, как если бы составлял отчёт о повреждении опоры.

— Она взяла копии. Выход был через приёмный покой. Там ещё оставались больные. Они не знали про изъятие. Снаружи я держал дверную линию, изнутри она выводила людей. Потом коридор свернули.

Я вспомнила белые края раны.

— Я успел вывести двоих. Третью женщину она вытолкнула сама. Между нами оставалось меньше шага. Когда линия закрывается, этот шаг перестаёт быть расстоянием. Я держал её за руку и всё равно не мог дотянуться.

Он сжал пальцы на столе.

— Она сказала отпустить. Я не отпустил. Линия прошла через стену. Потом там уже ничего не было.

Я не спросила, уверен ли он, что она мертва. Желание получить удобную надежду показалось бы мне предательством его рассказа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.